Has been issued since 2002
https://mongoloved.kigiran.com/jour

Vol. 12, Is. 4, pp. 615-624, 2020
DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-615-624

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ
(Монгол судлал)
(Mongolian Studies)
ISSN 2500-1523 (Print)

УДК 81=512.31
DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-615-624

Языки и диалекты национальных меньшинств Хулун-Буира как объект исследования

Базар Догсонович Цыбенов[1]

[1] Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН
(д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
0000-0002-0404-7207. E-mail: bazar75@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020
© Цыбенов Б. Д., 2020

Аннотация. *Введение*. Статья посвящена изучению языков некоторых национальных меньшинств, проживающих в городском округе Хулун-Буир автономного района Внутренняя Монголия КНР. Исследование представляется актуальным, поскольку затрагивает ряд малоизвестных в отечественном монголоведении языковедческих вопросов. Основной *целью* исследования является рассмотрение некоторых аспектов языковедческого изучения в публикациях южномонгольских авторов. *Материалами* исследования явились научные работы южномонгольских исследователей Боусяна, Энхэбату, Цэбэрхас, Урангуа, Юй Шаня, Сэрэнбату. *Результаты*. Существующее ныне деление на языки и диалекты имеет некоторые расхождения в Китае и России, которые, очевидно, требуют выработки единого общепринятого стандарта. Старобаргутский диалект, сохраняющий ряд забытых в других современных монгольских языках слов, требует продолжения сравнительно-сопоставительного изучения. Даурский язык и его диалекты плодотворно изучаются филологами. Выяснено, что большое внимание исследователи уделяют сравнительному анализу даурского языка с монгольским, особенностям хайларского и бутхаского диалектов даурского языка. *Выводы*. Для создания полноценной картины языковой ситуации в Хулун-Буире отечественным филологам необходимо в содружестве с историками и этнографами разрешить ряд вопросов, связанных со стандартизацией языков и диалектов региона, и начать комплексное изучение научных разработок исследователей Внутренней Монголии. В целом языки и диалекты Хулун-Буира, как показывает наше предварительное изучение, представляют собой перспективное исследовательское направление в отечественном монголоведении.

Ключевые слова: языки, диалекты, Хулун-Буир, баргуты, дауры, статьи, сравнительные исследования

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00344 «Духовная культура национальных меньшинств Хулун-Буира: письменные источники и современная историография проблемы». Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции

«Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).
Для цитирования: Цыбенов Б. Д. Языки и диалекты национальных меньшинств Хулун-Буира как объект исследования // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 4. С. 615–624. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-615-624

UDC 81=512.31
DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-615-624

Ethnic Minorities of Hulun Buir: Languages and Dialects as an Object of Research

Bazar D. Tsybenov[1]

[1] Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Senior Research Associate
0000-0002-0404-7207. E-mail: bazar75@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020
© Tsybenov B. D., 2020

Abstract. *Introduction*. The article examines languages of some national minorities living in the Hulun Buir Urban District of the Inner Mongolia Autonomous Region (PRC). The study is relevant since the Han majority subjects national minorities to strong linguistic assimilation. Timely study of the languages and dialects of this region is necessary for a comparative analysis with the languages of the Mongolic and Tungus-Manchu peoples living in Russia. *Goals*. The research primarily aims to examine some aspects of linguistic studies in publications of Inner Mongolia's philologists. The work solves the following tasks: 1) review of languages and dialects of Hulun Buir ethnic groups, including in publications of Russian researchers; 2) research of some works dealing with the Old Barga dialect of the Mongolian language; 3) analysis of publications on the Dagur language and one scientific article about the Evenki language. M*aterials.* The article analyzes scientific works of researchers from Inner Mongolia, such as Bousian, Enkhabatu, Tseberkhas, Urangua, Yu Shan, Serenbatu. *Results*. The existing division into languages and dialects has some differences in China and Russia. This unequal linguistic status requires the development of a single generally accepted standard. The Old Barga dialect has preserved a number of words from the language of medieval Mongols. This Barga dialect also borrowed some words from Manchu, Japanese and Russian. Philologists of Inner Mongolia actively study the Dagur language and dialects. They carry out comparative analyses of the latter and Mongolic languages, identify features of the Hailar and Buteha dialects of the Dagur language. So, scientists conducted a sociological survey on whether the Daur people know their native language, as well as Mongolian and Chinese. Professor Serenbat analyzed Evenki verb endings in comparison with Mongolian, Manchu and Dagur ones. *Conclusions*. The important issue is a standardization of languages and dialects of the region. It must be done in accordance with generally accepted standards in Russia and China. Russian philologists should begin comprehensive studies of the scientific developments of Inner Mongolia's researchers. The study of the historiography of languages and dialects of Hulun Buir has great prospects.

Keywords: languages, dialects, Hulun Buir, Barga Mongols, Daurs, articles, comparative studies
Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project no. 20-09-00344 'Spiritual Culture of Hulun Buir National Minorities: Written Sources and Contemporary Historiography of the Issue', state reg. no. AAAA-A20-120052290031-7.
The article was presented at the International scientific online conference 'Mongolian Studies at the Beginning of the 21st Century: Current State and Development Prospects – II' funded by RFBR (project no. 20-09-22004) and Government of Russia (grant no. 075-15-2019-1879).
For citation: Tsybenov B. D. Ethnic Minorities of Hulun Buir: Languages and Dialects as an Object of Research. *Mongolian Studies (Elista)*. 2020. Vol. 12. No. 4. Pp. 615–624. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2020-4-615-624

Понятие «духовная культура» многогранно, оно также включает в себя и язык этноса. Собственно, язык является основой, где хранятся и развиваются духовные ценности (устное народное творчество, обычаи и традиции и др.). Поэтому в рамках изучения темы «Духовная культура национальных меньшинств Хулун-Буира: письменные источники и современная историография проблемы» мы решили затронуть вопрос о языках и диалектах, распространенных в этом регионе. В нем проживают такие интересующие нас национальные меньшинства, как монголы, дауры, эвенки, русские. К монголам Хулун-Буира относятся баргуты (новые и старые), буряты, олеты, а также хорчины, харчины и представители других южномонгольских этнических групп, прибывшие в регион в XX в. Они, соответственно, говорят на своих диалектах. Язык баргутов и бурят зачастую объединяют в один, баргу-бурятский, диалект монгольского языка. В свою очередь баргуты говорят на двух диалектах: новобаргутском и старобаргутском. Язык олетов Хулун-Буира, по мнению носителей языка, сохранил основные черты ойратского языка. Их язык, очевидно, относится к маньчжурскому говору олетского диалекта. Дауры в городском округе Хулун-Буир представлены двумя этнотерриториальными группами: хайларские и бутхаские, каждая из которых говорит на своем диалекте. Эвенками являются солоны, орочоны, хамниганы и эвенки-яко, проживающие как в степных, так и в горно-таежных местностях Прихинганья. Если следовать официальному делению эвенков КНР на два этноса — солонов и орочонов, то, вероятно, можно говорить о двух самостоятельных языках — солонском и орочонском. Язык эвенков-яко можно отнести к диалекту солонского языка. Хамниганы же говорят на маньчжурском диалекте хамниганского языка, относящегося к монгольской группе языков. В то же время есть сведения, что они двуязычны и продолжают использовать хамниганский диалект эвенкийского языка. Русские (в большинстве своем потомки смешанных русско-китайских браков) проживают в городском уезде Эргуна. Бытует мнение, что около 100–150 «полукровок» еще говорят на русском языке. Последний представляет собой забайкальский диалект и сохраняет лексические особенности, присущие довоенному русскому языку [Забияко, Забияко 2017: 25–26]. В целом, как мы видим, отдельно можно рассмотреть и проблему соотношения языков и диалектов национальных меньшинств Хулун-Буира. Ситуация здесь выглядит несколько

запутанной в силу других определений и статусов, применяемых в Российской Федерации. Поскольку, например, в России буряты, как и калмыки, являются самостоятельным этносом, и большинство хамниган ныне причисляют себя к этому этносу. Российские эвенки, проживающие на обширной территории Сибири и Дальнего Востока, представляют, в отличие от китайских собратьев, единый этнос. Поэтому возникает необходимость в прояснении и разрешении этих и других, подобных вопросов.

Язык монголов и дауров Внутренней Монголии (включая Хулун-Буир) достаточно изучен в отечественном монголоведении, во многом благодаря работам калмыцкой исследовательницы Б. Х. Тодаевой [Тодаева 1960; Тодаева 1981; Тодаева 1985; Тодаева 1986]. В начале XXI в. языки национальных меньшинств Хулун-Буира продолжают вызывать интерес у российских ученых. Так, бурятские исследователи, среди которых есть и ученики профессора В. И. Рассадина, провели сравнительное изучение бурятского и баргутского языков [Афанасьева 2006; Бадмаева 2012; Бухоголова 2015], бурятского и даурского языков [Рассадин 2004; Бадагаров 2013]. В соавторстве с монгольскими и китайскими коллегами они выявили тунгусо-маньчжурский пласт в даурском языке [Цыбенов, Энбадрах 2017], составили даурско-русский словарь [Тумурдэй, Цыбенов 2014]. Научным сотрудником Института лингвистических исследований РАН Н. Я. Булатовой были введены в научный оборот новые материалы по языку эвенков-солонов [Булатова 2013]. Таким образом, можно констатировать, что исследования, начатые А. О. Ивановским, Н. Н. Поппе, Б. И. Панкратовым, В. И. Цинциус и другими российскими учеными, продолжаются и сегодня.

В настоящей работе мы кратко освещаем некоторые доступные нам публикации современных авторов, в основном филологов из Внутренней Монголии. Они посвящены изучению языков старых баргутов, дауров и эвенков. Рассмотрение начнем со старобаргутского диалекта монгольского языка. Так, в работе китайского монголоведа Боусяна проведено изучение раннемонгольских слов, сохранившихся в этом диалекте. В 1980 г. он проводил полевые исследования старобаргутского диалекта в Хулун-Буире, в 1988–1989 гг. во время пребывания в Японии подготовил и издал там статью в материалах одной конференции. В 1990 г. Боусян переиздал статью на монгольской письменности в «Научном журнале университета Внутренней Монголии». В работе он анализирует ряд старобаргутских слов (*xɔmɔʃ*, *niutagʃin*, *bɔdɔ:r*, *tuga:r*, *xu:n*, *muliu:* и др.), восходящих, по его мнению, к языку ранних монголов. Так, слово *xɔmɔʃ* (*хомош*), имеющее в старобаргутском диалекте значение ‘монгольский нож’, восходит к *somoči kituγ-a*, упоминающемуся в § 80 в «Сокровенном сказании монголов». Очевидно, здесь речь идет о разновидности ножей, использовавшихся средневековыми монголами. Как объясняет исследователь, в результате дальнейшего развития начального *s* и конечного *č(i)* в обозначении вышеуказанного термина появились новые согласные *x* и *ʃ*. Таким образом, старобаргутский термин *xɔmɔʃ* является исконно монгольским и в силу обстоятельств сохранился только в языке старых баргутов [Bousiyang 1990: 15–16]. По нашему предположению, это название, несколько видоизмененное, могли сохранить и буряты. В частности, по данным информанта — закаменского бурята, раньше в детстве

он слышал, как буряты говорили *нумаша*. Под ним понимался нож небольшого размера, узкий и острый. Как полагает информант, он использовался охотниками для снятия и выделки шкурок небольших зверей (белок, зайцев), овец и коз. Само слово *нумаша* указывает на стрелу (бур. *номо(-н)*; монг. *сум*). Возможно, средневековые монгольские воины, имевшие в своих колчанах комплект из 30 стрел различного назначения, с маркировкой (в дальних походах даже два комплекта), обязательно имели такой нож для общипки древка стрел [ПМА: Батуев]. Слова, встречающиеся в старобаргутском диалекте, имеются в примечаниях к главам в художественном произведении Урансайхана и Дэлгэра под названием «Лебеди рядом с юртой». В предисловии говорится, что в этом романе сокрыта тайна «100-летнего одиночества» рода хурлат. Тайну хранят два одинаковых камня размером со ступицу колеса баргутской повозки, которые находятся рядом с небольшой горой в верхней части Баргузинской долины (территория Республики Бурятия. — *Б. Ц.*) [Uransayiqan, Delger 2008: 4]. Заметим, что в названии романа отражено почитание лебедя родом хурлат. Среди родов старых баргутов культ лебедя особо характерен для этого рода. В ряде случаев его даже называют *хун шувуу хурлат*, увязывая этноним с названием лебедя [ПМА: Пурэв]. В примечаниях к главам имеются следующие слова: *ташигуй* ‘школа’, *дэгэгулун* ‘подпрыгнув’, *пус гэсэн* ‘что-либо короткое’; *гоомай* ‘опасный, безрассудный’ [Uransayiqan, Delger 2008: 31], *монторхой* ‘похожий на мяч’; *зайсан* ‘богатый’, *у-ту* ‘очень мало’, *Ание* ‘новый год по лунному календарю’, *хунхэ* ‘доблесть’ и др. Встречаются также наименования чиновничьих рангов, японские (*очияномицу* ‘вода для чая’) и русские слова (*senter* ‘центр’, основа; от рус. *центр*), названия болезней, топонимы, этнонимы [Uransayiqan, Delger 2008]. Вероятно, в различные периоды истории старых баргутов (строительство русскими Китайско-Восточной железной дороги, проникновение японцев в годы Маньчжоу-Го) в их язык проникали и на определенное время закреплялись новые иноязычные термины. Можно заметить, что ряд слов старобаргутского диалекта сближается с даурскими: *ташигуй*, *Ание*, *хунхэ* [Тумурдэй, Цыбенов 2014] — и имеет маньчжурскую языковую основу.

Маньчжурское влияние на малочисленные этносы северо-востока Китая, особенно на дауров, было сильным. Так, в статье даурского филолога Энхэбату говорится о написании даурской интеллигенцией в Цинский период особых сочинений на маньчжурской письменности. Их особенность состояла в том, что дауры писали тексты на даурском языке маньчжурским письмом. В XIX в. даурский поэт Аола Ченсян усовершенствовал систему записи даурских слов посредством маньчжурского письма. Основываясь на таких трудах, как «Сборник стихов Аола Ченсяна» и «Сравнительный маньчжурско-китайско-даурский словарь», Энхэбату провел изучение почти 200-летней истории и эволюции правил написания даурских текстов на маньчжурском письме [Engkebatu 1994]. Несмотря на тесное взаимодействие с маньчжурами, дауры сохранили свою самобытную культуру и язык, в котором, по данным профессора Хулун-Буирского университета Юй Шаня, более 50 % слов являются исконно даурскими. Как он отмечает в своей статье, около 40 % даурских слов близки монгольским; менее 10 % составляют слова, заимствованные из тунгусо-мань-

чжурских и китайского языков. Юй Шань представляет вниманию читателей четыре таблицы, из которых самой обширной является четвертая таблица, содержащая исконно даурские слова [Iui Šan 2004: 70–72]. Сравнительным изучением даурского и монгольского языков занимается филолог Цэбэрхас. В частности, одна из ее ранних статей [Čeberqas 2004] посвящена сравнительному анализу гласных звуков в начале слова в даурском и монгольском языках. Анализ основан на хайларском диалекте даурского языка, с использованием бутхаского и цицикарского диалектов. Исследовательница выделяет 70 даурских слов с гласным *а* в начале слова, 50 слов — с э, 31 слово — с *и*, 41 слово — с *о*, 34 слова — с *у*, 24 слова — с *ө*, 33 слова — с *ү*. В итоге выяснено, что из 280 даурских слов 112 (40 %) имеют одинаковые значения с монгольскими; 82 слова (29,3 %) близки по значению монгольским словам. 86 даурских слов (30,7 %) с гласными в начале слова не имеют аналогов в монгольском языке [Čeberqas 2004: 64]. В другой публикации Цэбэрхас указывает на относительно разные значения одинаковых слов в даурском и монгольском языках. Например, *даага(н)* в монгольском языке означает двухлетнего жеребенка. Даурское слово *дааг* указывает на жеребенка (до одного года). К тому же в даурском языке встречаются такие определения, как *морий дааг* (*досл.* ‘жеребенок лошади’), *эллиг дааг* (‘осленок’). К другим, имеющим разные значения, словам относятся *хүмэл* (монг. ‘лук монгольский’) — *кумбил* (даур. ‘кипрей волосистый мохнатый’); *будуун*, *дэржээ*, *итоо*, *марах* — *мэрэх*, *бээрэх*, *самуун* — *само*, *эмгэн* — *эмгун* и др. [Čeberqas 2009: 66–68]. Еще одна статья Цэбэрхас основана на полевых исследованиях бутхаского диалекта даурского языка, проведенных в июле 2008 г. Так, исследовательница из 1 600 специально отобранных слов даурского языка выделяет 177 слов (11,1 % от всех слов), имеющих диалектные особенности. В частности, прослежены следующие переходы: l + ʤ → l + l (*bɔ:lʤ* → *bɔ:lḽ* (блевать)[1], *galʤo:* → *galḽo:* (бешеный), *ʤilʤiγ* → *ʤilliγ*) (детеныш; поросенок); l + d → l + l (*aldər* → *allər* (имя; слава; новость), *oldo:n* → *ollo:n* (около; возле), *kuldur* → *kullur* (лопата)) и др. Работа снабжена иллюстрациями, показывающими фонетические изменения слов в бутхаском диалекте [Čeberqas 2013: 11–14]. Подобные переходы согласных, как отмечала Б. Х. Тодаева, «являются существенной чертой дагурского языка» [Тодаева 1986: 35]. Изучению согласных в начале слова посвящена статья профессора Оюунгуа. Исследование основано на данных хайларского диалекта, для сравнения приводятся слова бутхаского диалекта даурского языка. По ее данным, в ряде случаев такие согласные в начале слова, как *n*, *b*, *x*, *g*, *m*, *l*, *s*, *ʃ*, *tʃ*, *ʤ*, *t*, *d*, *k* звучат как n^w, b^w, x^w, g^w, m^w, l^w, s^w, $ʃ^w$, $tʃ^w$, $ʤ^w$, t^w, d^w, k^w соответственно. В качестве примеров приведены следующие слова: x^w*al* ‘кан’, g^w*aida:n* ‘медленный’, $ʃ^w$*a:dər* ‘пятиться — о лошади, телеге‘, d^w*a:ng* ‘арбуз‘, k^w*a:rt* ‘охотничий нож‘ и др. [Oyungγou-a 2008: 78]. Оюунгуа провела также социологическое исследование языковой ситуации в даурском селе Баянтала Эвенкийского автономного хошуна. Жителям села были розданы более 800 анкет, в результате чего были получены интересные сведения о знании даурами родного языка, а также монгольского и китайского языков. В частности, выяснено, что 12,9 % детей, младше 10 лет, не знают даурского языка. Из этой группы детей монгольский

[1] В слове *bɔ:lʤ* → *bɔ:lḽ* буква «ɔ» в оригинальном тексте статьи Цэбэрхас написана как «ə».

язык не понимают 61,29 %. В то же время китайским языком владеют 80,65 % детей младше 10 лет. Подобные данные приведены по всем возрастным группам дауров [Oyungγou-a 2012: 84–87].

В ряду филологических работ отметим также публикацию профессора Хулун-Буирского университета Д. Сэрэнбату, в которой проведен анализ глагольных окончаний в эвенкийском языке в сравнении с монгольским, маньчжурским и даурским языками. Автором приведены примеры с глагольными формами прошедшего, настоящего и будущего времени, а также обобщающая сравнительная таблица [Serenbatu 2005: 70]. На примерах статьи Сэрэнбату можно наглядно увидеть существенные различия в глагольных окончаниях монгольских и тунгусо-маньчжурских языков.

Языки и диалекты национальных меньшинств продолжают привлекать внимание исследователей. Старобаргутский диалект монгольского языка, очевидно, хранит немало редких слов, восходящих к языку средневековых монголов. Необходимо продолжать исследования в этой области, включая в него и материалы по бурятскому и другим монгольским языкам. Большая работа проводится филологами в деле изучения диалектов даурского языка. Благодаря их публикациям, исследования в области даурского языка выходят на новый уровень.

Полевые материалы автора

ПМА: Батуев — Информант Батуев Иван Арьяевич, 1943 г. р., бурят, род *hойho*, патронимическая группа *минаахай*. Запись 26.08.2020.

ПМА: Пурэв — Информант Пурэв, баргут, род *хурлат*. Запись 07.2005.

Author's Field Data

Informant: Ivan A. Batuev, b. 1943, ethnic Buryat, Ɣoyɣo clan, Minaakhay patronymic group. Rec. on August 26, 2020. (In Bur. and Russ.)

Informant: Pürev, ethnic Barga Mongol, Khurlat clan. Rec. in July of 2005. (In Mong.)

Литература

Афанасьева 2006 — *Афанасьева Э. В.* Исторические связи бурятского и баргутского языков (на примере фонетики и грамматики). Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2006. 178 с.

Бадагаров 2013 — *Бадагаров Ж. Б.* Дагурско-бурятские языковые связи: дис. … канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2013. 197 с.

Бадмаева 2012 — *Бадмаева Л. Б.* Лексические параллели в языке байкало-кударинских бурят и хуучин-баргутов // Баргуты: история и современность. Сб. науч. ст. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. С. 140–146.

Булатова 2013 — *Булатова Н. Я.* Новые материалы по солонскому языку // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2013. Т. 9. № 3. С. 147–165.

Бухоголова 2015 — *Бухоголова С. Б.* Языковой сдвиг и современная языковая ситуация у новых баргутов КНР // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. № 8. С. 26–29.

Забияко, Забияко 2017 — *Забияко А. П., Забияко А. А.* Русские Трёхречья: основы этнической самобытности. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. 340 с.

Рассадин 2004 — *Рассадин В. И.* Особенности дагурского языка в сопоставлении с бурятским и монгольским языками // История и внешние связи бурятского языка: сб. науч. ст. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 13–17.

Тодаева 1960 — *Тодаева Б. Х.* Монгольские языки и диалекты Китая. М.: Наука, 1960. 137 с.

Тодаева 1981 — *Тодаева Б. Х.* Язык монголов Внутренней Монголии. М.: Наука, 1981. 276 с.

Тодаева 1985 — *Тодаева Б. Х.* Язык монголов Внутренней Монголии. Очерк диалектов. М.: Наука, 1985. 133 с.

Тодаева 1986 — *Тодаева Б. Х.* Дагурский язык. М.: Наука, 1986. 190 с.

Тумурдэй, Цыбенов 2014 — *Тумурдэй Г., Цыбенов Б. Д.* Краткий дагурско-русский словарь. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 236 с.

Цыбенов, Энбадрах 2017 — *Цыбенов Б. Д., Энбадрах С.* Тунгусо-маньчжурский пласт в даурском языке // Приграничный регион в историческом развитии. Ч. 2. Чита: Изд-во ЗабГУ, 2017. С. 163–166.

Bousiyang 1990 — *Bousiyang*. Qaγučin barγu-yin yariyan-du üledegdejü bayiγ-a erten-ü üges-ün tuqai (= О древних словах, сохранившихся в разговорной речи старых баргутов) // Öbür mongγol-un yeke surγaγuli-yin erdem šinjilgen-ü setegül (= Научный журнал Университета Внутренней Монголии). 1990. 2-duγar quγučaγ-a. Pp. 15–22.

Čeberqas 2004 — *Čeberqas*. Mongγol daγur kelen-ü egešig abiyan-u ungšilγ-a daγudalγ-a-yin qaričaγulul (= Сравнительный анализ чтения и произношения гласных звуков в монгольском и даурском языках) // Öbür mongγol-un neyigem-ün šinjilekü uqaγan (= Общественные науки Внутренней Монголии). 2004. 4-duγar quγučaγ-a. № 131. Pp. 62–65.

Čeberqas 2009 — *Čeberqas*. Daγur kele ba mongγol kelen-ü ijil γarul-tai üges-ün üge-yin udaq-a-yin ilγaγ-a jüriy-e (= Смысловые различия одинаковых слов в даурском и монгольском языках) // Öbür mongγol-un neyigem-ün šinjilekü uqaγan (= Общественные науки Внутренней Монголии). 2009. 6-duγar quγučaγ-a. № 163. Pp. 66–71.

Čeberqas 2013 — *Čeberqas*. Daγur kelen-ü Butaq-a ayalγun-u ijilišil-un tuqai ögülekü-ni (= Об идентификации слов в бутхаском диалекте даурского языка) // Dumdatu ulus-un mongγol sudulul (= Монголоведение Китая). 2013. 41-düger boti. 2013. 6-duγar quγučaγ-a. № 250. Pp. 10–15.

Engkebatu 1994 — *Engkebatu*. Daγur kele-yi manju üsüg-iyer bičiglekü yosun-u tuqai (= О традиции написания даурских слов на маньчжурской письменности) // Öbür mongγol-un yeke surγaγuli-yin erdem šinjilgen-ü setegül (= Научный журнал Университета Внутренней Монголии). 1994. 2-duγar quγučaγ-a. Pp. 1–25.

Iui Šan 2004 — *Iui Šan*. Daγur kelen-ü üges-ün sang-un bürildüče-yin tuqai tobči ögülekü-ni (= К изучению формирования словарного фонда даурского языка) // Öbür mongγol-un neyigem-ün šinjilekü uqaγan (= Общественные науки Внутренней Монголии). 2004. 4-düger quγučaγ-a. № 131. Pp. 70–73.

Oyungγou-a 2008 — *Oyungγou-a*. Daγur kelen-ü Qayilar ayalγun-du-ki üge-yin ekin-ü uruγulšiγsan geyigülügči-yin tuqai (= О губных согласных в начале слова в хайларском диалекте даурского языка) // Öbür mongγol-un neyigem-ün šinjilekü uqaγan (= Общественные науки Внутренней Монголии). 2008. 4-düger quγučaγ-a. № 155. Pp. 76–79.

Oyungγou-a 2012 — *Oyungγou-a*. Evengki qošiγun-u Bayantal-a siyang-un daγurčud-un kereglejü bayiγ-a kele-yi bayičaγan šinjilekü-ni (= Исследование языковой ситуации среди дауров в селе Баянтала Эвенкийского хошуна) // Öbür mongγol-un neyigem-ün šinjilekü uqaγan (= Общественные науки Внутренней Монголии). 2012. 4-düger quγučaγ-a. № 179. Pp. 83–89.

Serenbatu 2005 — *Serenbatu D*. Evengki kele kiged mongγol, daγur, manju kelen-ü temdeg üyile üge-yin qaričaγulul (= Сравнительный анализ глагольных окончаний в эвенкийском, монгольском, даурском, маньчжурском языках) // Öbür mongγol-un neyigem-ün šinjilekü uqaγan (= Общественные науки Внутренней Монголии). 2005. 2-duγar quγučaγ-a. № 135. Pp. 64–71.

Uransayiqan, Delger 2008 — *Uransayiqan, Delger*. Toγono-bar tosoγsan qun-u čubuγ-a (=Лебеди рядом с юртой) // Čolmon. Uran jokiyal-un ularil-un setegül (= Цолмон. Литературный периодический журнал). Öbür mongγol-un arad-un keblel-ün qoriy-a (= Народное издательство Внутренней Монголии), 2008. № 1. Pp. 4–224.

References

Afanasyeva E. V. Historical Ties between the Buryat and Barga Languages: A Comparative Study of Phonetics and Grammar. Ulan-Ude: Buryat State University, 2006. 178 p. (In Russ.)

Badagarov Zh. B. Dagur-Buryat Language Ties. Cand. Sc. (philology) thesis. Ulan-Ude, 2013. 197 p. (In Russ.)

Badmaeva L. B. Kudara Buryats and Old Barga Mongols: lexical parallels. In: Barga Mongols. Past and Present. Collected Scholarly Papers. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch of RAS), 2016. Pp. 140–146. (In Russ.)

Bousiyang. Old Barga Mongols: revisiting ancient words preserved in their spoken language. *Öbür mongγol-un yeke suryaγuli-yin erdem šinjilgen-ü setegül*. 1990. Is. 2. Pp. 15–22. (In Mong.)

Bukhogolova S. B. Language shift and modern language situation at the New Barguts of China. *Buryat State University Bulletin*. 2015. No. 8. Pp. 26–29. (In Russ.)

Bulatova N. Ya. New materials on the Solon language. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2013. Vol. 9. No. 3. Pp. 147–165. (In Russ.)

Čeberqas. Buteha dialect of the Dagur language: identification of lexemes revisited. *Dumdatu ulus-un mongγol sudulul*. 2013. Vol. 41. Is. 6 (250). Pp. 10–15. (In Mong.)

Čeberqas. Reading and spelling vowels in Mongolian and Dagur: a comparative analysis. *Öbür mongγol-un neyigem-ün šinjilekü uqaγan*. 2004. Is. 4 (131). Pp. 62–65. (In Mong.)

Čeberqas. Synonyms in Dagur and Mongolian: semantic differences. *Öbür mongγol-un neyigem-ün šinjilekü uqaγan*. 2009. Is. 6 (163). Pp. 66–71. (In Mong.)

Engkebatu. Dagur words in Manchu script: the tradition revisited. *Öbür mongγol-un yeke suryaγuli-yin erdem šinjilgen-ü setegül*. 1994. Is. 2. Pp. 1–25. (In Mong.)

Iui Šan. The shaping of Dagur vocabulary revisited. *Öbür mongγol-un neyigem-ün šinjilekü uqaγan*. 2004. Is. 4 (131). Pp. 70–73. (In Mong.)

Oyungγou-a. Daurs of Ewenki Autonomous Banner: a case study of the language situation. *Öbür mongγol-un neyigem-ün šinjilekü uqaγan*. 2012. Is. 4 (179). Pp. 83–89. (In Mong.)

Oyungγou-a. Hailar dialect of the Dagur language: initial labial consonants revisited. *Öbür mongγol-un neyigem-ün šinjilekü uqaγan*. 2008. Is. 4 (155). Pp. 76–79. (In Mong.)

Rassadin V. I. Dagur, Buryat and Mongolian in a comparative perspective: outlining the former's peculiarities. In: History and External Ties of the Buryat Language. Collected Scholarly Articles. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch of RAS), 2004. Pp. 13–17. (In Russ.)

Serenbatu D. Verbal endings in Evenki, Mongolian, Dagur and Manchu: a comparative analysis. *Öbür mongγol-un neyigem-ün šinjilekü uqaγan*. 2005. Is. 2 (135). Pp. 64–71. (In Mong.)

Todaeva B. Kh. Dagur Language. Moscow: Nauka, 1986. 190 p. (In Russ.)

Todaeva B. Kh. Mongolic Languages and Dialects of China. Moscow: Nauka, 1960. 137 p. (In Russ.)

Todaeva B. Kh. The Language of Inner Mongolia's Mongols. Moscow: Nauka, 1981. 276 p. (In Russ.)

Todaeva B. Kh. The Language of Inner Mongolia's Mongols: An Essay on Dialects. Moscow: Nauka, 1985. 133 p. (In Russ.)

Tsybenov B. D., Enbadrakh S. Tungus-Manchu stratum of the Dagur language. In: The Border Region in a Historical-Developmental Perspective. Vol. 2. Chita: Transbaikal State University, 2017. Pp. 163–166. (In Russ.)

Tumurdey G., Tsybenov B. D. A Concise Dagur-Russian Dictionary. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch of RAS), 2014. 236 p. (In Dag. and Russ.)

Uransayiqan, Delger. Swans near the Yurt. *Čolmon* (Literary Journal). 2008. No. 1. Pp. 4–224. (In Mong.)

Zabiyako A. P., Zabiyako A. A. Russians of the Tryokhrechye: Fundamentals of Ethnic Identity. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography (Sib. Branch of RAS), 2017. 340 p. (In Russ.)